

Ключевые слова:

экономический рост, воспроизводство, финансовая система, стратегия развития

О. С. Сухарев, д. э. н.,

проф., вед. науч. сотр. Института экономики РАН
(e-mail: o_sukharev@list.ru)

Финансовая политика и новый режим экономического роста

Мировая экономика в современной ситуации проявляет некоторые качественные характеристики, которые выступают ограничителями самого экономического роста как хозяйственного явления. Кризис 2008-2010 гг. наглядно продемонстрировал накопление диспропорций финансовой системы, вызванных рядом причин, в том числе ее отрывом от развития производственных секторов. Кризисное и посткризисное замедление экономического роста нельзя в полной мере объяснить в рамках традиционной макроэкономической теории, да и само понятие роста требует уточнения в соответствии с новыми реалиями.

Феномен экономического роста состоит в неуклонном увеличении национального дохода в абсолютном выражении и на душу населения, увеличении разнообразия продуктов и потребностей. Экономический рост как долгосрочная тенденция до сих пор сопровождается улучшением качества жизни и ее продолжительности, совершенствованием социальных функций и повышением уровня образования.

Факторы, обеспечивающие этот феномен: капитал, труд, технологии, информация (знания), изменения в количестве и качестве населения, трансформация базовых и вспомогательных институтов, а также ориентированных на рост моделей поведения и реакций агентов, включая модели управления различными хозяйственными системами и макроэкономикой в целом.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Вместе с тем необходимо отметить, что значительная часть населения земли обделена теми благами, которые приносит феномен экономического роста. Разница по уровню дохода между десятью наиболее богатыми и бедными странами мира увеличивается, разрыв по уровню развития технологий также растет. Однако самая важная (и разрушительная) тенденция состоит в том, что одновременно с ростом современная мировая экономика демонстрирует сокращение и деградацию, в частности, экологических систем, биологического разнообразия, природных ресурсов. Причем совершенствование технологий пока не позволяет переломить эту тенденцию.

Современная глобальная экономика развивается диспропорционально за счет истощения ресурсов и нанесения ущерба экосистемам. Подлинная эффективность экономической системы, на мой взгляд, состоит в том, чтобы отодвигать срок истощения

ресурсов или, как минимум, создавать замену тому или иному ресурсу к моменту его исчерпания.

Критерием глобальной эффективности (эффективности мировой социально-экономической системы) можно назвать следующее правило: при формировании стандарта потребления нужно исходить из тех потребностей, которые могут удовлетворяться только за счет имеющихся ресурсов и агентов. Иными словами, потребности не могут удовлетворяться за счет будущих поколений и природы, а также в ущерб другим агентам. Если ресурсов на душу населения остается все меньше, тогда общий уровень качества жизни можно поддерживать только за счет технико-технологических изменений, увеличивающих функцию производительной переработки ресурсов¹. Выполнение этого глобального критерия возможно, если ликвидированы самые неэффективные формы функционирования человеческого общества, например, войны, локальные и гражданские конфликты.

Вековая тенденция экономического роста на различных локальных интервалах демонстрирует отклонение в виде экономических кризисов, которые обычно характеризуются абсолютным сокращением производства и занятости, ростом цен, утратой части активов, изменением полюсов экономической силы и генерации экономического роста. Кризисы могут не сопровождаться сильным снижением национального дохода, а выражаться всего лишь в замедлении темпа роста, экономической рецессии либо стагнации наиболее передовых секторов хозяйства. Общеконъюнктурный кризис обычно связан с изменением пропорций между совокупным спросом и предложением. Меры по его предотвращению и преодолению — это меры антициклического характера. Однако современный кризис берет свои истоки в управлении, институциональных изменениях, которые оказывают сильное влияние на экономику не только в долгосрочном периоде, но и на коротких интервалах. Этот транзитивный кризис может совпадать или не совпадать с циклическим — при совпадении кризис усиливается, при несовпадении — могут быть различные варианты хода кризисных явлений в экономике. Однако именно такой тип кризиса способен надолго зафиксировать траекторию развития экономической системы, в связи с чем мобилизационная стратегия развития или стратегия догоняющего развития могут не привести к ожидаемому результату.

Проблема состоит еще и в том, что с позиций экономической теории неплохо проработаны вопросы экономического роста различного типа — экстенсивного, интенсивного, с разными формами научно-технического прогресса как фактора экономического роста, но проблемы кризиса, тем более транзитивного, имеют куда более зыбкие теоретические объяснения. В основном меры по преодолению кризиса предлагаются в рамках теоретических положений той финансовой политики, которая нужна для организации роста. При этом парадигмально ничего не изменяется в освещении вопросов в системе «рост-кризис», в то время как современный экономический рост и кризис возникают в силу иных структурных соотношений в экономической системе, которые сами по себе выступают фактором провоцирования кризиса, включая и институты, отвечающие за функционирование финансовой системы.

Экономическая система пронизана иерархиями и структурами (институциональными, технологическими и др.). Важно отметить, что макроэкономическая теория должна исходить из необходимости влияния на структурные параметры экономической системы в целях обеспечения необходимых пропорций хозяйственного развития.

Определение соотношения скоростей структурных модификаций и скорости экономического роста, который должен быть сохранен при осуществлении подобных коррекций, ставит, по сути, задачу нахождения социально-экономического оптимума. Вместе с тем процесс модификации системы приводит к той или иной степени ее дезорганизации, увеличивает издержки, снижает эффективность и действует по этой причине в сторону замедления темпа роста. Следовательно, осуществлять структурные управляемые коррекции экономической системы и ставить задачу сохранения или

¹ См. подробнее: Сухарев О. С. *Теория эффективности экономики*. — М.: Финансы и статистика, 2009.

обеспечения довольно высокого темпа ее роста, означает стремление к достижению противоречивых целей. За рост и реорганизацию системы ответственны правила хозяйственного поведения, сильным ограничительным условием выступают исходные факторы роста — ресурсы, капитал, труд, технологии, доступность финансов, которые обслуживают указанные факторы. В связи с этим проблематика поиска социально-экономического оптимума может сводиться не столько к поиску объема необходимых ресурсов, параметров возможного и требуемого потребления, затрат, сколько к отысканию тех правил, которые будут наиболее продуктивно воздействовать на мотивы поведения агентов и стимулировать развитие экономики.

Проблема социально-экономического оптимума очень сложна и, может быть, пока неразрешима даже на теоретическом уровне. Не случайно Я.Тинберген утверждал², что определить оптимальный темп экономического роста для отдельно взятой экономической системы не представляется возможным. В то же время мы наблюдаем управление темпом роста в Китае, когда темп в 12 % признается большим и проводятся специальные макроэкономические мероприятия по его сдерживанию до 8-9 %. Если рассматривать связь экономического роста и распределения дохода, то здесь не совсем ясно, какой уровень неравенства стимулирует рост, а какой будет его тормозить. Более того, на вековом интервале зависимость С. Кузнецца между экономическим ростом и неравенством в доходах для развитых стран не обнаруживается по развивающимся, не подтверждается на средних и коротких интервалах. К тому же главный вопрос — является ли неравенство сопровождающим рост явлением, либо же оно выступает фактором роста, определенным образом настраивая экономических агентов, остается без ответа, поскольку и рост, и неравенство зависят от функционирования различных элементов экономической системы, ее структуры и институтов.

«Истинными неизвестными задачи поиска социально-экономического оптимума выступают не объемы потребления или производственные затраты, а множество институтов, которые могут приблизить реальную ситуацию к экономическому оптимуму. Набор этих институтов неизвестен заранее, его необходимо подобрать, а институты создать, то есть спроектировать и ввести в действие»³. Нужно отметить, что данное высказывание не стоит понимать так, будто институты раз и навсегда проектируются, вводятся в действие, наоборот, это ввод происходит непрерывно, принимая, в том числе, и вид перманентной модификации старых институтов при введении новых, и новых в ходе взаимодействия со старыми. Поэтому институты не только могут изменять расстояние относительно некоего социально-экономического оптимума, но и определять динамику роста, характеристики экономического развития. Вместе с тем, некоторые виды воздействий могут не просто увеличить расстояние до названного оптимума, величину которого трудно определить даже теоретически, но свернуть тенденцию роста, обеспечив спад экономики. К таким воздействиям можно отнести, например, неуправляемые институциональные изменения либо иллюзию управления ими, результат соперничества между различными институтами, институтами и агентами, высокую скорость институциональных изменений, введения новых институтов, а также экономическую политику, резко снижающую качество институциональной системы за счет воздействия на мотивы поведения экономических агентов.

Истинный динамизм экономического развития, обретающий свое выражение в росте, привносится фактором научно-технического прогресса, который не только обеспечивает совершенствование средств производства, но и создает новый тип воспроизводства и инфраструктуру услуг.

Сокращение численности населения и его старение в развитых странах действуют как факторы сдерживания совокупного спроса, в то время как научно-технические достижения и повышение производительности фактически снимают проблему тиражирования новых продуктов. Таким образом, возникает явный дисбаланс между совокупным спросом и предложением. Если при рецессии в экономике сокращаются

---

² Тинберген Я., Бос Х. *Математические модели экономического роста*. — М.: Прогресс, 1967.

³ Mennes L., Tinbergen J., Waardenburg J. *The Element of Space in Development Planning*. — Amsterdam, 1969.

налоги на корпорации и расходы по бюджету, а также социальные программы, это наносит еще больший удар по спросу. Одновременно позиции наиболее обеспеченного класса, собственников, усиливаются, поскольку данные меры направлены на сохранение преимуществ их деятельности. Высокий процент также ограничивает приток кредитных средств в производственные системы, приводит к высоким издержкам владения и распоряжения деньгами. Это затрудняет возможности роста, причем сдерживающие меры, необходимые при подъеме, начинают применяться при спаде, а то, что нужно применять при рецессии — применяется при росте. Если транзитивные процессы и управление сильно меняют облик конъюнктурного спада, то эта замена может показаться обоснованной. Но в настоящий момент такое утверждение вряд ли будет справедливым. Процессы трансформации — структурной, институциональной — часто не позволяют точно обозначить перспективы экономической динамики: величину, скорость и время подъема, глубину и продолжительность спада, а также судить о том, в какой степени те или иные меры финансовой политики ускорят или замедлят названные процессы. В любом случае, понятно одно — экономический рост предполагает сочетание факторов, которые его и обеспечивают, а его устойчивость обусловлена как раз небольшой величиной отклонения от общей ростовой тенденции.

Изменение парадигмы роста, проектирование новых институтов развития должны предполагать не только смену стратегии, но и правил ведения хозяйства, учета продукта и национального богатства, результатов распределения национального дохода. Идея экономического роста, базирующаяся на критерии капитализации прибыли, на мой взгляд, должна быть заменена идеей капитализации интеллекта, творческих способностей и социальных возможностей агентов. Функционально обоснованная и планируемая социальная система предполагает и выполнение главной функции финансов и финансовой системы — обслуживание расчетов, платежей, исполнения различных хозяйственных функций за счет обеспечения этого процесса деньгами. Нынешняя ресурсная парадигма экономического роста требует замены/пересмотра в направлении согласованного проектирования стандарта потребления и жизни, который мог бы возникнуть не благодаря рыночному расточительству, а при реализации целей экономии и сохранения природного богатства и разнообразия.

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ

Состояние факторов экономического роста для России можно свести к следующим качественным позициям. Основной капитал физически изношен и морально устарел. Часть фондовой базы промышленности утрачена в ходе приватизации. Объем финансовых ресурсов, требующихся на ее восстановление, настолько значителен, что они не могут быть сконцентрированы в обозримом будущем для решения задачи масштабированного замещения основного капитала по секторам хозяйственной системы. Усиливается конфликт между уровнем знаний и состоянием техники: многие специалисты не имеют достаточной квалификации для обслуживания новейшей техники, но не могут обслуживать и старую технику, поскольку ее эксплуатация вследствие роста аварийности становится просто опасной.

Состояние науки и НИОКР в России в значительной мере затрудняет эффективное использование трудового потенциала, сокращает спрос на применение интеллекта, дестимулирует творческую деятельность. В период 2000-2010 гг. наблюдались следующие основные тенденции в сфере труда и заработной платы: — дефляция по фактору производства «труд» в период кризиса 2009-2010 гг. при инфляции по другим факторам производства; — увеличение эксплуатации труда, включая рост налогового бремени на него; — упрощение труда, то есть снижение доли сложного и увеличение доли простого труда; — исчезновение целых видов труда и профессиональной деятельности, в том числе на уровне обучения данным профессиям; — рост безработицы, включая скрытую; — высокая дифференциация оплаты труда в зависимости от региона проживания и места работы.

Отставание России в сфере технологий связано как раз с теми тенденциями, которые наблюдаются по факторам производства «труд» и «капитал». Иными словами, имеется значительное технологическое отставание по обеспеченности технологиями —

базовыми и широкого применения. Однако проблема состоит не в том, что в России эти технологии отсутствуют. Верно обратное, — имеются технологии, не уступающие иностранным аналогам, в виде патентов, авторских свидетельств, моделей, но отсутствует основа для их применения. По существу, отечественные производители слабо контролируют собственный внутренний рынок по многим видам продуктовой номенклатуры. Это и препятствует внедрению отечественных разработок и технологий. Таким образом, неверно говорить, что мы отстаем по научно-техническому заделу — отставание вызвано отсутствием условий и возможностей развертывания и обновления технологического базиса экономики. Безусловно, вследствие перечисленных процессов возникает и информационная зависимость, которая подкрепляется тем, что Россия не производит своих персональных компьютеров, не создает в нужном масштабе своей обрабатывающей компьютерной и телекоммуникационной базы. А если страна становится зависимой по инфраструктуре, в частности, информационной, тогда ее рост и развитие определяются уже не столько классическими факторами, сколько этим новым видом зависимости. Научная проблема, сводимая к определению того, в какой степени каждый фактор вносит свою лепту в экономический рост, — центральная при исследовании экономического роста, поскольку режим структурной зависимости может вносить существенный вклад в ускоренное развитие одних стран за счет других на длительном интервале времени.

Неразвитость факторной основы экономического роста видоизменяет его качественную содержательную сторону. Рост становится формальным, в его основе лежит динамика сырьевых секторов, финансов, услуг и мировых цен. Чтобы изменить качество роста, необходимо планомерно воздействовать на содержание его факторов, выправляя структурные пропорции хозяйственной системы. Главная задача государства видится в том, чтобы проводить экономическую политику, порождающую и стимулирующую такие виды деятельности, которые принесут высокую добавленную стоимость в будущем, обеспечив планомерное повышение заработной платы с высокой оценкой интеллектуального труда, сокращение ее дифференциации, снижение эксплуатационной нагрузки на труд.

Важнейшим фактором экономического роста становится экономическая структура, точнее, то, на какой потенциально рост она способна, какие структурные изменения приведут к будущему росту, а какие будут тормозить его. Соотношение между секторами — в частности, между производством и финансовым сектором, услугами — будет определять возможности роста и его темп, как и режим роста. Если финансовая система обслуживает реальные сектора и услуги, то рост имеет материальную основу, в отличие от режима, когда имеется отрыв в функционировании указанных секторов, причем экономика зависима от импорта промышленной продукции и продовольствия. Если наблюдается экономический рост с базисом в сырьевых или фиктивных секторах, то этот рост соответственно можно считать «сырьевым» или фиктивным. Изменение режима развития, если такая задача ставится правительством страны, должно предполагать изменение режима роста, его факторной основы, качества.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ

Современная макроэкономика должна учитывать структурные особенности организации хозяйственной системы, в частности, соотношение финансового и реального секторов хозяйственной системы.

Цель финансовой и денежно-кредитной политики должна состоять в обеспечении производства деньгами. Банки также должны облегчать производственную деятельность. В этом заключается задача обеспечения воспроизводственной связи между финансовым и материально-вещественным секторами экономики. В связи со сказанным требуется изменить видение макроэкономической теории, предлагающей инструменты регулирования экономики.

В-первых, денежно-кредитная политика должна задавать такое распределение кредита по экономике, чтобы одновременно с обеспечением структурной модификации экономической системы исключать «структурную» инфляцию, поддерживать заданный темп экономического роста при данном темпе инфляции.

Во-вторых, мероприятия финансовой политики, денежно-кредитные механизмы регулирования экономики должны учитывать необходимость одновременно и повышать уровень жизни населения, и осуществлять структурную реорганизацию экономики. В связи с этим процентные ставки должны служить особым инструментом регулирования, поскольку посредством процента обеспечивается компромисс между потреблением и инвестированием. Планомерное расширение денежного и кредитного предложения вместе со стимулированием совокупного спроса создаст необходимую динамику роста, достаточную, чтобы осуществлять обновление фондовой базы экономики и структурные коррекции национального хозяйства.

Если финансовая система работает так, что сберегаемая часть дохода в экономике выводится из производительных в трансакционные сектора либо размещается в форме иных активов, в том числе за рубежом, то независимо от того, какова норма сбережений, эти сбережения не работают должным образом на прирост добавленной стоимости и валового продукта. Критерием эффективности финансовой системы и денежно-кредитной политики должна стать не «успешность» противодействия инфляции, а обеспеченность производственных структур финансовыми ресурсами, низкие издержки получения и обслуживания кредитов, использование сбережений населения и активов банков для решения задач развития экономики.

Финансовая поддержка производства в соответствующих объемах и на всех технологических переделах обеспечивает непрерывность функционирования производственных секторов экономики. Однако неравномерность инвестиционного потока в разные звенья технологической цепи, а также наличие диспропорций в рамках цепи воспроизводства приводят к тому, что темпы роста переделов отличаются друг от друга, что увеличивает структурные диспропорции между секторами. Это может порождать сокращение каких-то видов производств и деятельности, причем совершенно не по причине того, что появилась новая комбинация (инновация) в шumpетерианском смысле, а в силу конкурентного развития других секторов, в том числе за рубежом, поставляющих такой же продукт на мировой рынок или в данную страну. Отдельные ниши в названной технологической цепочке, которые отличаются относительно высокими затратами (низкой рентабельностью), никто не занимает. Если исходить из российских особенностей, то ярким примером является создание нового инновационного продукта — энергосистем альтернативной «солнечной» энергетики на базе кремниевых фотоэлектрических преобразователей. В настоящее время организован выпуск солнечных панелей (конечный продукт) на многих предприятиях, однако они простаивают из-за недостатка сырья, производство которого до сих пор не налажено.

Эволюция финансовой системы демонстрирует, что увеличение числа новых инструментов, схем функционирования, появление новых видов активов расширяет разнообразие финансовой системы, увеличивает ее отрыв от развития производственно-технических систем. Однако все эти инструменты показывают действенность на каком-то временном участке, в результате чего изменяется степень автономности финансовой системы и ее связности с производственными секторами. Финансы могут быстро «перемещаться» из высокотехнологичных областей в секторы получения высокой прибыли с гарантией, что позволяет проводить стратегию «снятия сливок». Например, в России такой режим возникает в силу того, что секторы, дающие высокую прибыль, как правило, характеризуются относительно низкими рисками, а те, что дают меньшую прибыль, наоборот, относительно высокими. Так возникает структура перелива ресурсов из одних секторов в другие, причем именно сырьевые секторы и финансовый сектор вносят самый существенный вклад в рост национального дохода.

В мировой экономике, несмотря на то, что скорость оборота денег в финансовом секторе во много раз превышает их скорость оборота по производственным секторам, как и в России, соотношение рентабельностей этих секторов и риска все-таки имеет более сглаженный характер, что отражается на распределении ресурсов, факторах экономического роста. Это распределение между секторами является более гармоничным (равномерным), позволяет достигать необходимого уровня развития, сохраняя и совершенствуя различные виды производственной деятельности.

Учитывая, что жизненный цикл сделки на финансовом рынке значительно короче аналогичного цикла для производственной сделки, то и скорость финансового потока,

как и полный оборот денежных средств, осуществляется во много раз быстрее. При этом величина денежной массы, обслуживающей финансовый сектор, может быть меньше, чем та часть денежной массы, которая идет на функционирование производственных секторов, но за счет скорости оборота общая величина денег, обращающихся в финансовом секторе, значительно выше, чем в реальном. Более того, наличие обозначенного структурного «перекоса» между данными секторами выступает своеобразным мотивом для расширения финансовых трансакций и вовлечения большей части денег в финансовый оборот, с переводом их в различные финансовые активы. Таким образом, задача трансформации любой финансовой системы на современном этапе мирового развития состоит в сдерживании скорости ее функционирования, в необходимом ее подчинении целям обслуживания производственных секторов.

Рост финансового сектора и услуг в мировой системе увеличивает общий уровень транзакционных издержек в экономике. Эффективность же этих секторов может возрасти, если издержки на одну трансакцию имеют тенденцию к снижению. Тем самым рост доли транзакционных издержек в структуре затрат, вызванный расширением новых экономических секторов, не говорит о неэффективности данных структур, а отражает рост сложности и разнообразия мировой системы, структурные сдвиги, наблюдаемые в силу развития технологий и появления новых организационных форм и секторов⁴.

Причина дестабилизации мировых финансов сводилась не только к тому, что финансовая система стала дисфункциональной, то есть вместо исконной функции обслуживания производственных секторов приобрела и возвысила чисто спекулятивную функцию, но и в неустойчивой, несбалансированной финансовой политике.

Российский министр финансов Г. Я. Сокольников в несколько иных исторических условиях также сталкивался с финансовым кризисом. Он считал, что все мероприятия финансовой политики, направленные на упорядочение бюджета, увеличение доходов, корректирование денежного обращения, организации кредита, несмотря на свою важность, сами по себе являются паллиативами, поскольку они не в состоянии преодолеть экономического кризиса, составляющего основу кризиса финансов. Выход лежит в увеличении производительности труда, в увеличении емкости рынка за счет крупного производства и роста товарного предложения⁵.

Как видим, Г. Я. Сокольников ясно видел истоки кризиса, лежащие в дисбалансах между сферой финансов и реальным производством и обращения, как и то, что стереотипные схемы экономической науки не описывают кризисов и не дают однозначных рецептов по их преодолению. Для этих целей спасительной является логика, проистекающая из первоосновы экономического мышления и сознания. Финансы, как и макроэкономическая политика, будут здоровыми только тогда, когда опорой для них станут высокоразвитые производительные силы, используемые для создания продукта конечного и/или промышленного потребления.

Основополагающая причина современного финансового кризиса, нанесшего удар по экономическому росту, заключена в вале финансовых инноваций, все более отрывающих финансовый сектор от процессов производства, а также коренится в капиталистических институтах, провоцирующих концентрацию капитала, активизирующих этот процесс, выводя его из логики подчинения накоплению реальных активов. В современном мире стало актуальным концентрировать фиктивный капитал, который, не находя себе необходимого применения и будучи быстро перемещаем из одной экономики в другую, может обрушить повышательную экономическую динамику. Инструментализация финансового сектора усиливает его спекулятивный характер и усложняет управление, выводит этот сектор из-под контроля в силу возрастающей диверсификации. Владельцы фиктивного капитала активно включаются в игру по его концентрации и перераспределению. Подобная система только увеличивает вероятность финансово-экономического краха, причем ни монетаризм, ни кейнсианские процедуры регулирования не являются теми спасительными рычагами⁶, которые могут избавить от

---

⁴ Сухарев О. С. *Институциональная экономика: теория и политика*. — М.: Наука, 2008. — С. 302-303.

⁵ Сокольников Г. Я. *Новая финансовая политика*. — М.: Наука, 2003. — С. 132-137.

⁶ Самуэльсон П. *Оживления не будет до 2012 г. // Мир перемен*. — 2009. — №1. — С. 9-11

кризиса. Только институциональные коррекции финансовой системы, привязка правил ее функционирования к задачам развития реальных секторов производства, техники, технологий, управляемое разнообразие инструментов и отказ от режима расширения потребностей за счет будущих поколений, то есть в долг, возможно, сократит вероятность и первооснову для развертывания современного капиталистического кризиса.

Стратегии догоняющего и опережающего роста могут и должны быть заменены стратегией согласованного развития мировой экономической системы. Ее основной целью должно выступать сокращение диспропорций, неравенства, выравнивание скоростей развития, сотрудничество, изменение базовых институтов современного капитализма: снижение доминирующей роли частной собственности на средства производства, концентрации капитала; социализация общественных отношений; интенсификация научно-технического прогресса и расширение условий для творческого развития человеческой личности; обеспечение широты образования⁷.

Необходима смена режима доминирующего соревнования стран, вытекающего из «парадигмы роста»⁸ и философии «гегемонизма»⁹, на режим согласованного многовекторного развития на основе выравнивающих социальных императивов, управления скоростями изменений мировой социально-экономической системы с учетом обозначенного здесь критерия глобальной эффективности.

Нельзя не отметить, что необходимость кардинального изменения экономических основ общества осознавалась многими выдающимися учеными-экономистами. Яркий пример — доклад Я. Тинбергена «Пересмотр международного порядка»¹⁰, появившийся в начале 1970 г., то есть 40 лет назад. В этом документе был представлен проект перестройки структуры мировой экономики и даны конкретные рекомендации, касающиеся основных направлений политики, создания новых или реорганизации существующих институтов, чтобы обеспечить условия для более устойчивого развития мировой системы. Однако большинство его положений не реализовано политическим истеблишментом до сих пор.

Подводя итог, нужно отметить, что изменение воспроизводственной основы современного экономического роста стоит на повестке дня острее, чем может показаться на первый взгляд, причем с подчинением этой задаче и финансовой системы. Если человеческое общество и политический истеблишмент действительно ищет модель «третьего пути» развития, то иного варианта, кроме пересмотра первоосновы капитализма под воздействием информационного фактора и науки, в убедительном сценарии не просматривается. Началом такого перехода может стать изменение правил и значения самого экономического роста для развития мировой социально-экономической системы.

Библиография

1. Mennes, L., Tinbergen, J., Waardenburg J. The Element of Space in Development Planing. — Amsterdam, 1969.
2. Tinbergen, J. Reshaping the International Order, 1976.
3. Самуэльсон, П. Оживления не будет до 2012 г. // Мир перемен. — 2009. — №1.
4. Сокольников, Г. Я. Новая финансовая политика. — М.: Наука. — 2003.
5. Сухарев, О. С. Теория эффективности экономики. — М.: Финансы и статистика, 2009.
6. Сухарев, О. С. Институциональная экономика: теория и политика. — М.: Наука, 2008.
7. Сухарев, О. С. Экономический рост и финансовая политика: анализ факторов и условий // Экономический анализ. — 2011. — № 32 (239).
8. Тинберген, Я., Бос, Х. Математические модели экономического роста. — М.: Прогресс, 1967.

⁷ Сухарев О. С. Экономический рост и финансовая политика: анализ факторов и условий // Экономический анализ: теория и практика. — 2011. — № 32 (239).

⁸ Соревнование стран по темпам роста и величине ВВП.

⁹ Реализация доктрины Тафта-Нокса «доллара и штыка».

¹⁰ Tinbergen J. Reshaping the International Order, 1976.